

Ялта вместо ордена

Фото из архива Виктора Кузенкова

При всем многообразии авторов и героев *Ъ* на его страницах еще никогда не было генералов, тем более — генералов спецслужб. И даже при нашем хладнокровии к внешним признакам карьерного успеха мы вынуждены признать, что генеральский статус — это серьезно. А может быть, нам просто повезло, что Виктор Кузенков — герой настоящей публикации — и следующий далее Евгений Савченко оказались на редкость содержательными и в высоком смысле отчаянными людьми. Генералы согласились что-то повспоминать о своем недалеком прошлом на площадке «Начало конца», и первым рискнул Виктор Анатольевич, который буквально заморозил всю нашу простодушную редакцию удивительными откровениями о том, как устроен этот бранный мир...

Старший лейтенант Виктор Кузенков. Фото на Доске почета, 1985

оперативной работы в Центральном районе Челябинска.

Разумеется, тогда я еще не был готов к службе, поскольку не учился ни на каких специальных курсах, тем более в Высшей школе КГБ СССР. Фактически я представлял из себя «свободного дилетанта», и мое мировоззрение резко отличалось от внутренних устоев кадровых сотрудников спецслужб, настоящих «зубров» оперативной работы, прошедших системное обучение и имеющих реальный практический опыт. Однако мне сразу доверили самостоятельный уча-

сток — работу с «неорганизованной молодежью», то есть с молодыми людьми, которые не укладывались ни в один из кладезей милого нашему сердцу социалистического образа жизни в отличие от добропорядочного студенчества, славных молодых рабочих и служащих. «Неорганизованной молодежи» у нас считались болтающиеся без дела «вредные элементы» вроде фарцовщиков и проституток, карточных шулеров, наркодилеров и прочих асоциальных типов, отравляющих общественную атмосферу.

Благодаря ОКО у меня был какой-то опыт общения с подобной молодежью, и я понимал, что мне доверено довольно серьезное направление работы, имеющее важное социальное значение. Я по-хорошему завелся и через считанные месяцы плотного изучения оперативной обстановки пришел к выводу, что «неорганизованная молодежь» является, по сути, плодородной почвой и экономической базой для «организованной преступности».

Мое непосредственное начальство поначалу не разделяло такие смелые выводы, вероятно списывая их на впечатлительность молодого опера. Мне внятно объяснили: в советском обществе мафии быть не может, поскольку для нее нет никакой социальной основы! Тем не менее я взялся за столь увлекательную «исследовательскую работу», прежде всего начав с изучения околоспортивной среды. Основания для этого имелись — в области как раз случилось несколько заказных убийств, что говорило о вероятном существовании организованных бандитских группировок. А такого рода эксцессы мне представлялись реальной угрозой безопасности государства. К середине 1980-х, когда прошло тридцать лет после смерти «красного диктатора», страха стало меньше, а всякого рода вольностей — побольше. Поэтому устойчивость нашего общества могла поколебаться...

2.

В 1985 году к власти в Политбюро ЦК КПСС и в стране пришел сравнительно юный генсек Михаил Горбачев. Одними из его первых шагов стали законодательные инициативы по принятию ряда антикоррупционных постановлений. Лично я воспринял их с чувством глубокого удовлетворения и даже с некоторым пиететом, мол, наконец-то мы все: народ, партия и ее вооруженный отряд — дружно возьмемся за большое дело. Но через короткое время, по крайней мере в нашей профессиональной среде, большинство поняло, что сверху большей частью льется лишь пустая болтовня и что никаких эффективных действий в масштабах государства не предпринимается. В огромной разношерстной стране практически никто не занимался экономической безопасностью, противодействием коррупции, организованной преступности и промышленному шпионажу.

Одним из первых в Челябинске я заметил, что эта самая «неорганизованная молодежь» и разного пошиба «сомнительные личности» кучкуются преимущественно в местах, где практикуется наличный расчет и неучтенный доход. Например, это могли быть базы «Плодоовощторга», станции технического обслуживания, автосервисы, рестораны, кафе и проч.

И именно здесь возникает большая вероятность появления организованных преступных группировок, способных взять под контроль «левые» финансовые потоки.

Я стал составлять каталоги, вводить систему учета событий и их фигурантов, отслеживать динамику происшествий и уголовных преступлений. Мне казалось, что это поможет выявить определенные закономерности и логику развития дальнейших событий. В своей первой справке я систематизировал ряд криминальных групп, каждая из которых специализировалась на «чисто конкретном» деле. Одни бригады занимались рэкетом и силовым давлением; другие — мошенничеством и прочими экономическими преступлениями; третьи налаживали коррупционные связи и сбыт похищенных материальных средств и товаров. Всё это выглядело как классическая мафиозная организация криминальной среды, известная из учебников, специальных исследований и даже художественных произведений, рассказывающих о «тайных пороках» западных стран, и в первую очередь США.

Несмотря на ретивость и усердие, за ту «дилетантскую справку» я получил крепкий нагоняй от вышестоящего

Заседание штаба ОКО, начало 1980-х

начальства. Однако уже через три месяца работы я завел уголовное дело по нарушению правил проведения валютных операций (статья 88 УК), связанное с контрабандной поставкой за границу старинных икон и произведений искусства.

В середине 1980-х в СССР еще господствовала «плановая социалистическая экономика», но в соседней Польше уже стали появляться ростки «свободного предпринимательства» и разгосударствления экономики — то есть обретения частными лицами права собственности на орудия труда, производственную и коммерческую недвижимость и т.д. Таким образом налаживалось чуждое нам «рыночное хозяйство», и, как следствие, проклюнулась новая идеология мелких собственников, прежде всего пекущихся о своем кармане. Но мы-то всю жизнь росли в твердом убеждении, что надобно «раньше думать о Родине, а потом о себе!» Для честного советского человека было просто невыносимо знать, что кто-то посмел жить как-то иначе...

3.

Итак, я занялся «неорганизованной молодежью» и очень скоро понял, что это целая наука и совершенно новое направление работы. Не могу не отдать должное тогдашнему начальнику КГБ по Челябинской области — генералу Юрию Николаевичу Соколову, умному,

смелому, на редкость эрудированному человеку, сумевшему в зародыше разглядеть колоссальную важность этого направления. И весьма признателен ему за то, что он позволил мне, юному лейтенанту, рядовому оперу, одному из первых в стране покопаться в этой грязи.

На тот момент я находился в самом низу жесткой служебной вертикали. Надо мною был стройный ряд руководителей низшего и среднего звена: замначальника отделения, начальник отделения, замначальника отдела, начальник отдела, замначальника управления — и только потом Юрий Николаевич. Мне было крайне сложно добраться до высшего руководства со своей оперативной справкой, которая могла «зависнуть», например, где-то посередине «вертикали».

От непосредственных начальников (особенно бывших советских деятелей, пришедших в КГБ по так называемому партийному набору) я непременно получал нагоняй за всякие огрехи в текущей работе, поэтому и не рассчитывал на особое внимание первого руководителя к моим «исследованиям». Но меня сразу «взял в оборот» Виктор Владимирович Бочин, который будто отрезал: «Раз есть

мозги — давай вкалывай, потом доучишься, и вообще, знания надо брать от задачи...» И тогда я занялся исследованием, связанным с контрабандой и незаконными валютными операциями.

Начинающие челябинские контрабандисты — как правило, бывшие спортсмены, имеющие возможность выезжать за границу, — быстро сообразили, что можно зарабатывать не только на ценовой разнице товаров, незаконно провезенных через границу, но и на курсовом разрыве между валютами. Если в нашем Госбанке давали всего 76 копеек за 1 доллар, то на черном рынке в Москве доллар стоил 4 рубля, в Ленинграде — 3,5, в Одессе — 3,9, а в приграничном Львове давали аж 12 рублей. В подобных обменах можно было выручить немеренные прибыли, скупая доллары у валютчиков и продавая их контрабандистам во Львове.

Мы взялись за разработку темы, но подследственность такого рода преступлений оказалась довольно сложной — тут тебе и спекуляции, и контрабанда, и нарушение правил проведения валютных операций, да плюс еще первые заказные убийства неугодных подельников. КГБ не мог обойтись без участия органов прокуратуры, поэтому вместе со мною стал работать следователь областной прокуратуры Николай Васильевич Жуков. С ним мы и возбудили уголовное дело по уже наработанным материалам.

Суровые блюстители порядка, начало 1980-х

В тогдашнем советском уголовном праве была очень крутая статья «Нарушение правил валютных операций» (ст. 88, ч. 2 УК РСФСР), которая являлась одной из самых тяжких, перебивая практически все прочие, — от 15 лет лишения свободы до высшей меры. И действительно, к началу 1980-х уже были расстреляны несколько фигурантов уголовных дел по 88-й статье. Но в Уголовном кодексе в то время не было отягчающих признаков в виде «организованной составляющей» — как это звучит сейчас в статье 210 УК РФ «Организация преступного сообщества или участие в нем». Тогда звучала такая трактовка: «... в составе организованной группы».

Вместе со следователем прокуратуры Жуковым мы взялись за дела, связанные с контрабандной деятельностью «околоспортивной мафии». Практически каждый эпизод из тех дел выглядит сегодня буквально как детективная история. А начинали мы с разработки контрабандных каналов в приграничном Львове, по которым проходили товары ширпотреба, валюта, предметы искусства и антиквариат. С польской стороны были организованы «дыры» через границу, которые контролировали настоящие мастера спорта: польский боксер Михал Михальский с женой

Галиной и челябинский дзюдоист Юрий Ладнев с женой Любой. Так что недаром говорят: «Муж и жена — одна сатана».

К середине 1980-х наш провинциальный Челябинск фактически стал лидером по организованной преступности благодаря установлению криминальной связи между так называемыми «синими», то есть «ворами в законе», и спортсменами, прежде всего единоборцами — боксерами, дзюдоистами и самбистами. Вокруг одного «вора в законе» формировалась силовая бригада в пару сотен боевиков, по сути представлявших собою организованное преступное сообщество — ОПС, целью и задачами которого являлось «извлечение прибыли» из криминальной экономической деятельности, рэкета и «крышевания» первых кооперативов типа мелких мастерских, производителей товаров и услуг, уличных рынков, торговых павильонов и проч.

Позднее, в «либеральные» девяностые, на этой самой почве проросла известная политическая группировка под названием «Спортивная партия России» и другие ана-

логичные партии и фонды. А тогда, в восьмидесятые, наши доморожденные челябинские авторитеты одними из первых в стране поняли, что на советскую Родину навигается пресловутый рынок и что объявленные генсеком «перестройка», «ускорение» и «гласность» в конечном счете должны привести к тому, что во главе угла для каждого из нас станет собственное

благополучие и зарабатывание денег. Тогда же зазвучали новые удивительные лозунги: «Если ты такой умный — почему такой бедный?!», «Если ты такой умный — покажи свои деньги», «Если ты такая красивая — почему спишь с одним мужчиной?»...

Всё это очень свежо прозвучало в нашем обществе, поскольку честные граждане Страны Советов привыкли жить скромно, обыкновенно, гордясь равным достатком и стесняясь выпячиваться чем-то материальным, вещественным в кругу товарищей и коллег. Однако самые прозорливые и ушлые «цеховики», кооператоры, лавочники, торговцы, работники плодоовощных баз, уличных базаров и прочие типы с АЖП (активной жизненной позицией) приветствовали горбачевскую перестройку, в особенности ее первые шаги по экономической либерализации «народного хозяйства».

Вот из таких избыточно активных и рискованных особей стали складываться криминальные группы и бригады, которые пытались взять под контроль и подмять под себя отдельные сектора экономики. Наглядным примером стала та самая Польша, с головой окунувшаяся в рынок с его «волчьей идеологией», жесткой конкуренцией, частной

собственностью на орудия труда и средства производства, валютными спекуляциями и т.д.

«Воровская идея» явилась платформой для объединения преступных авторитетов старой формации и новой молодой силы в лице спортсменов, ставших силовым подспорьем для криминальных авторитетов. Наши боксеры и борцы взяли под контроль путан и таксистов, барменов и торговцев, антикваров и коллекционеров, то есть тех, у кого могла водиться наличная валюта. В короткие сроки организованные группировки стали собирать значительные денежные суммы, антиквариат, иконы, что высоко оценивалось на Западе. Всё добро доставлялось преимущественно в приграничные и портовые города: Львов, Калининград, Ленинград, Одессу — и в Москву, где фокусировалось разное ворье во главе со своими паханами...

4.

Я начинал карьеру с оперативной разработки контрабандистов и валютчиков в приграничном Львове, где какое-то время работал «под крышей» и под видом деляги общался с разной клиентурой. Однажды я получил информацию, что на одной из площадей Львова должна состояться передача крупной партии валюты от челябинских посыльных Галине Михальской. Так как был выходной день и у меня не было возможности быстро поднять службу наружного наблюдения Львовского управления, то я рискнул лично «поприсутствовать» во время этой сделки. Выхожу на площадь перед храмом, вижу Галину... но рядом никого. И вообще кругом пусто, а у меня нет никакой возможности спрятаться где-то под кустом, но я решаюсь идти напролом и пробую как-то поприставать к даме. Ведь иной раз какой-то прямолинейный ход может показаться наименее подозрительным...

Итак, я пытаюсь представиться, но в ответ слышу: «Мужчина, вы мне не интересны». Что делать? А ведь я всё про нее знал, поэтому тут же нашелся и предложил ей... погадать по руке. И когда я начал «угадывать» про каждую деталь ее биографии, она просто «офонарела» — действительно экстрасенс! — и стала бурно восхищаться моими уникальными способностями. А тут как раз и подошла молодая барышня, ее знакомая. Естественно, возбужденная Михальская попросила погадать ее подружке... Тут уж мне пришлось как-то выкручиваться: я пытался объяснить доверчивым девушкам, что в течение одного вечера могу напрячься и сосредоточиться только один раз, поскольку контакт с «потусторонними силами» требует чрезмерных энергетических затрат. Наконец, я согласился погадать девушке (ее звали Леной), но только на следующий день, когда «восстановится» мой «экстрасенсорный потенциал» и что-то я про нее выясню у львовских коллег...

Мы договорились, и я взялся провожать подружек, понимая, что незнакомка, скорее всего, должна передать

Галине сверток с деньгами. Квартиру Михальских я уже знал, но мне надо было выяснить, где живет ее подруга, а значит, надо было как-то красиво «сбросить с хвоста» Галину и переключиться на незнакомку. И вот я начинаю выписывать маршрут по городу, чтобы пройти именно мимо дома, где жили Михальские. В одном из переулков я засек передачу пакета из рук в руки... Наконец, выбрал момент и сыграл свою роль: «Ой, девчата, совсем забыл, что мне нужно товарищу передать ключи, — давайте я вас быстренько по домам разведу, а завтра встретимся...» И тут, будто случайно, дом Галины оказался рядом, она прощается, а я дальше провожаю Лену...

Надо отметить, что во Львове на редкость своеобразные дома — один подъезд (на местном диалекте «брама»), внутри дворик, в который сходятся десятки квартир. Мы уже подходим к подъезду ее дома, я про себя думаю: «Елки-палки, если дальше не пройду, то не узнаю номер квартиры, и потом ее не найдешь!» И я таки решился «открыться» прелестной незнакомке: мол, так и так, влюбился без памяти, такое бывает раз в жизни, у меня серьезные намерения, хочу познакомиться с родителями! Лена поддалась моему искреннему возбуждению и неукротимому напору — она пригласила меня домой, где я уже на правах потенциального жениха трепетно и с большим чувством пообщался с ее мамой — женщиной, приятной во всех отношениях!..

На следующий день прихожу во Львовское управление, спрашиваю, проходил ли по оперативной информации такой-то дом. «Да, только не можем установить номер квартиры, контрабандисты быстро ныряют внутрь подъезда, и дальше мы их отследить не можем». И я им всё рассказал... Вот примерно таким образом мы и сумели разобрататься в организации валютных операций, после чего взялись за точечные операции по перехвату отдельных партий валюты, проходивших из Одессы в Москву, а оттуда во Львов и обратно.

В один прекрасный день мы задержали весьма занятую москвичку — Антонину Васильевну Титову, 1937 года рождения. Это была незаурядная, выдающаяся в своем роде жрица любви с солидным профессиональным стажем, которая уже по возрасту перешла на «преподавательскую работу», обучая «талантливых» молодых девушек премудростям первой древнейшей профессии. Эта самая весьма характерная особа, широко известная в узких столичных кругах, оказалась крепко связанной с нашими челябинскими ребятами — вот почему мы ее и «вычислили»...

Задержание Титовой произошло накануне того, как в ее столичную квартиру должны были прибыть львовские контрабандисты, чтобы забрать очередную партию валюты. Мы пришли с обыском ровно в 5 утра, смотрим — никого нет: ни в туалете, ни на кухне, но замечаем в зале большой диван, приглядываемся — а из-за спинки виднеется огромная попа! Ну не смогла дама

скрыть такое крупное женское достоинство! «Мадам, а вы не могли бы привстать...» Она вылезает, отряхивается, и тут я буквально захожусь от восторга: передо мною стоит — о, как тесен мир! — мама той самой Лены из Львова, то есть моя нареченная «теща»... А следом мы обнаружили тайник с золотом и деньгами — по тем временам страшные суммы.

Кстати, нашу группу укрепили еще несколькими ребятами из управления КГБ и прокуратуры, в том числе со мною стал работать Борис Николаевич Козиненко, который позже возглавил управление КГБ в Свердловской области. А самым важным для дела оказалось то, что после задержания во время перелета из Москвы в Челябинск Антонина Васильевна проявила похвальную инициативу и сама предложила сдать нам вражеских шпионов, тесно связанных с нею валютными операциями и, возможно, любимым делом. Тут мы, конечно, подыграли искренней патриотке: «Ну если ты нам всё расскажешь про шпионов, то, конечно, поблажка тебе гарантирована. Мы же не звери какие-то, а люди благодарные, с понятием...»

Драма была в том, что одними из конкретных каналов поступления валюты в страну являлись резиденты западных разведок. Они, естественно, использовали деньги для подкупа слабохарактерных советских граждан, занимающих какое-то интересное служебное положение. Чаще всего их жертвами становились специалисты, имеющие доступ к государственным секретам, или какие-то персоны, способные стать «агентами влияния», а иногда даже «свободно мыслящие» деятели культуры...

Западные агенты были вынуждены искать разные способы обмена валюты на рубли, чтобы рассчитываться со своими подручными. И эти самые агенты и резиденты, воспитанные в капиталистическом обществе, естественно, скупались менять те же доллары по 76 копеек за штуку в государственном банке. В результате они вышли именно на нашу «клиентуру», чтобы как можно выгоднее менять валюту на рубли, например по курсу 4,50 рубля за доллар. Таким вот тривиальным образом «враги» старались что-то подзаработать себе, поскольку перед бухгалтерией они отчитывались так, будто бы меняли валюту по официальному курсу: 76 копеек за доллар, но фактически их профит составлял порядка 500% — запредельный бизнес!

Конечно, ради такого «крутого навару» можно было бы особенно не напрягаться по поводу национальных интересов далекой капиталистической родины. Вот почему все обитающие в Москве резиденты подсади на «валютную иглу» и, по сути, постоянно рисковали подставить себя под удар во время банальной обменной сделки. Здесь-то нам и подфартило... Рано или поздно шпионы и валютчики должны были найти друг друга. Дражайшая Антонина Васильевна оказалась замечательным коммуникатором для всех действующих лиц. Она нередко вступала в «обменные процессы» с агентами вражеских разведок и рассказала, где, как и когда проходят такие сделки... Так и вышло, что

мы, скромные челябинцы, опытным путем подобрались к разоблачению западной резидентуры в Москве.

Что такое разоблачить профессионального разведчика? Для этого требуются годы кропотливой работы больших «трудовых коллективов»! А тут мы чуть ли не с бухты-барахты докладываем в столицу, что готовы взять нескольких шпионов, осевших в Москве. Ну понятно, как к нам отнеслись там, наверху... На нашу записку был получен красноречивый ответ: «Вы там в своем Мухосранске с головой-то дружите? Мы сто лет разрабатываем шпионаж, а вы смеете заявлять, что готовы сейчас выложить все резидентуры...» Однако когда мы отправили собранную нами информацию с указанием конкретных явок, адресов и паролей — московские коллеги всё сверили и, наконец, поверили.

Первой нашей жертвой стал один из резидентов западной разведки мистер NN, работавший под крышей одной из западных фирм. Он как раз и дружил с Титовой, благодаря чему мы его перехватили именно в момент обмена по тысяч долларов. А уж потом NN сознался, что деньги предназначались для приобретения секретных материалов, поскольку наши предатели такие жадные, что просят безмерные гонорары! Он нам и сдал одного из руководителей Министерства авиационной промышленности, который продавал шпионам секретные материалы.

Таким замысловатым образом — от изучения «неорганизованной молодежи» и разработки мафиозных структур — мы сумели выйти на профессиональную систему западной резидентуры, конечной целью которой являлся развал Советского Союза, в том числе с помощью «агентуры влияния». И попутно нам тогда удалось обезглавить организованную преступную группировку в Челябинске...

Кстати, резидента мы брали примерно так, как рассказывается в детективных романах. У нас была конкретная информация в отношении нескольких шпионов, но первая валютная сделка должна была состояться с мистером NN. Из Москвы пришло задание вернуть Титову в столицу, чтобы она могла у себя в квартире принять звонок от клиента. Потом он должен был проехать мимо ее дома и зафиксировать условленный знак: если форточка закрыта, то всё нормально, если открыта — значит, грозит опасность.

Наша оперативная группа находилась в засаде в квартире Титовой, где я оказался в одной комнате с закрытой форточкой и с тремя курильщиками! На пятый день я понял, что часть своей жизни мне придется дышать через фильтр... Могу честно признаться, что никакого особого страха в засаде мы не испытывали, наверное, просто по молодости у человека еще нет ощущения, что его съедят. И между прочим, поначалу нам было довольно неприятно работать в Москве. Как правило, основные мероприятия проводились только благодаря личным договоренностям с милиционерами и прокурорами... Часто при-

ходило передвигаться без специального транспорта, а иногда мы даже на задержания ездили в метро, да еще и жуликов перевозили в общественном транспорте! Со временем у нас все же установились рабочие контакты со столичными коллегами, когда они поняли, что от нас тоже можно что-то получить, и стали предоставлять нам посильную помощь, мы даже стали пользоваться у них авторитетом...

5.

Другая любопытная история связана с одним из челябинских авторитетов — дзюдоистом Виктором Овчинниковым, при задержании которого двум его поделникам, боксеру Валерию Тюрину и борцу Юрию Сафонову, удалось скрыться в Москве. Мы начали их искать, вычислять контакты, и вскоре выяснилось, что эти два «гаврика» колесят по стране вместе с концертной группой Аллы Пугачевой. Причем прикрывает их продюсер певицы — Олег Наумович Непомнящий, который позже взялся писать книжки о примадонне. А тогда мы быстро выяснили, где он живет, и получили информацию, что Тюрин и Сафонов остановились у него в квартире...

Операцию пришлось проводить в 2 часа пополудни, когда братъ санкцию на обыск было проблематично, поэтому мы рискнули разобратся на месте. Нам повезло: Юра Сафонов возвращался поздно, и его удалось задержать прямо у подъезда. Когда мы его слегка поприжали: «Где Тюрин?», он нам указал на квартиру Непомнящего. Но как туда проникнуть без санкции на обыск? Сообразили по ходу: я тихонько постучал в дверь — она открылась (видимо, ждали Юру), на пороге меня встретил кокетливый лысенький дяденька не первой молодости, но в легком халатике, весь напомаженный, с накрашенными ноготками...

Я наклонился к нему на ушко и таким доверительным шепотом спрашиваю: «Наумыч, ты один?» — «Да». — «А ты знаешь, что у тебя в квартире настоящий мафиози?» — «А что делать?» — «Давай мы его выпроводим». Наумыч меня пропустил, я прошел в дальнюю комнату, смотрю: Тюрин спит. Шепотом бужу его: «Валера, мигом вставай, одевайся!» Тот спросонья ничего не понимает, но быстро надевает штаны. Я подбадриваю: «Давай, давай, смелее, нас ждут...» Заходим в лифт... «А что, а как?» — «Арестован, батенька! Садись в машину!»

Вдохновленный удачей, я по неопытности не стал ни с кем советоваться и тут же вызвал на допрос Аллу Борисовну, мол, хочу выяснить, что за публика окружает эстрадную богиню, наше национальное достояние. Но уже через час содержательной беседы заверещали звонки из самых высоких кабинетов: «Кто ты такой, что ты себе позволяешь?» В общем, я в очередной раз получил по шапке...

Таким вот образом и рушилось советское государство, когда наши известные спортсмены и артисты стали тихоньку-помаленьку приоткрывать тяжелый полог пресловутого «железного занавеса» между «Красной империей» и «свободным Западом». И ведь именно спортсмены и артисты, имеющие законную возможность выезжать за границу, фактически стали героями этого неоднозначного процесса. Конечно, параллельно с ними «трудились» и наши криминальные структуры, и вражеские разведки, и много других факторов и акторов помогли «сыграть в ящик» великому Советскому Союзу.

Мне же довелось быть непосредственным свидетелем удивительных событий, которые сегодня «вырисовываются» в логическую историческую последовательность. После того, как наша группа вышла на шпионскую сеть в Москве и мы взяли с поличным резидента западной разведки, а следом одного из руководителей Минавиапрома, мою кандидатуру включили в список на присвоение ордена Красной Звезды. Это было ровно тридцать лет назад — в 1986 году. Когда мои коллеги раскрыли мне этот секрет, я, как положено в подобных случаях, проколол дырочку в лацкане парадного кителя...

Прошло два месяца, меня вызывает начальник управления Юрий Николаевич Соколов: «Виктор, слушай, такая ситуация: Москва подготовила слишком длинные списки, и руководство КГБ начало вычеркивать снизу всех без разбору, а по алфавиту Челябинск как раз на дне списка. Это чисто статистика... Но ты не переживай, ты же еще совсем молодой...» Да я тогда особенно и не расстроился, просто еще не понимал ценности боевого ордена. Правда, когда Соколов вызвал снова и сказал, что меня отправляют с семьей в отпуск в Ялту, тут уж я догадался, что орден — штука серьезная, хотя именно в те мои молодые годы отпуск на море казался, конечно, покруче...

И только в самой Ялте до меня, наконец, дошло, что Юрий Николаевич отдал мне собственную путевку, поскольку принимали меня аж в генеральском корпусе, где летом отдыхали самые знатные москвичи, члены семей руководящих работников. Они на меня смотрели, как на какого-то блатного, — будто бы за мною есть какая-то очень «мохнатая лапа». Ну а я был просто счастлив и беспечен, как может быть беспечен 25-летний парень, который мало того, что целый год красовался на доске почета, так еще и вырвался не просто на море, а именно в Ялту... в генеральский санаторий!

Шел второй год «перестройки», «ускорения» и «гласности»... И кто тогда мог подумать даже из самых прозорливых работников спецслужб, что мы буквально с каждым днем приближаемся к крупнейшей в XX веке геополитической катастрофе?.. **БК**